

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВРЕМЕНИ

УДК 128; 130.2

К ТИПОЛОГИИ СТАРЧЕСКОГО ЭТОСА*

© С. А. Лишаев

Лишаев
Сергей Александрович
доктор философских наук,
профессор
Самарский национальный
исследовательский
университет имени
академика С. П. Королёва
(Самарский университет)
e-mail: lishaevs@bk.ru

В статье рассматривается проблематика старческого этоса, исследуются его позитивные типы: старость в горизонте старого и старость в горизонте ветхого. Их специфику определяют отличия в способах отношения старого человека ко времени. В старости завершения доминирует возрастное прошлое. Ветхую (созерцательную) старость определяет ориентация на чистое присутствие. Показано, что следование тому или иному типу старческого этоса — результат выбора старого человека; определенное влияние на него оказывают условия, в которых он осуществляет этот выбор.

Ключевые слова: возраст, философия возраста, старость, возрастной этос, забота, беззаботность, деятельная старость, созерцательная старость.

Против неба — на земле
Жил старик в одном селе.
Ершов П. П.

Старость — это возраст, в котором возрастное настоящее перестает переживаться как время исполнения больших целей и долговременных обязательств. Если исследовать старость как особую возрастную расположенность человека, то старым он становится тогда, когда признает себя таковым. Образ жизни старика и формирую-

* Публикация подготовлена в рамках подержанного РФФИ научного проекта № 15-03-00705 («Философия возраста в горизонте герменевтической феноменологии»).

щий его этос могут заметно отличаться у разных людей в зависимости от того, *принимают* они свой возраст или *не принимают*, а также от того, как именно они это делают.

Этос непринятия старости может иметь сильную и слабую формы. Сильная форма — это активное, деятельное противостояние старению: человек старается удержать (в меру своих сил) тот образ жизни, который сложился в зрелости («героическая» старость). Однако чаще неприятие старости обретает слабую форму (*ворчливая старость*). В этой позиции человек не пытается силой удержать привычный по годам зрелости образ жизни и сознает себя жертвой своего возраста¹.

И активный, и пассивный варианты *этоса непринятой старости* препятствуют актуализации ее возрастных возможностей. Принятие старости, напротив, позволяет занять по отношению к ней конструктивную позицию, сформировав этос, соответствующий ее темпоральной конституции. С исследовательской точки зрения наибольший интерес представляют этосы принимающей себя старости. Их анализ позволяет артикулировать экзистенциальное содержание старости как особого возраста, предлагающего человеку то, что другие периоды жизни предложить не могут.

Философская литература, посвященная старости, сравнительно невелика. Это или немногочисленные монографические работы о старости², или соответствующие разделы общих работ по философии возраста³, или статьи и сборники статей по геронтософии⁴. Специальная философская литература по проблематике типологических особенностей старческого этоса отсутствует⁵. В этой статье мы ставим перед собой задачу дать описание позитивных форм бытия-старым, развивая и конкретизируя ту типологию старческого этоса, концептуальные контуры которой была намечены нами ранее⁶.

Старость завершения и отрешенная старость. Феноменологический этоса: старость в горизонте старого (старость завершения) и старость в горизонте ветхого (созерцательную, отрешенную старость).

¹ Лишаев С. А. Старое и ветхое: Опыт философского истолкования. СПб. : Алетей, 2010. С. 178–179.

² Рыбакова Н. А. Проблема старости в европейской философии: от античности до современности. СПб. : Алетей, 2006; Рыбакова Н. А. Феномен старости. М. ; Псков, 2000.

³ Красиков В. И. Синдром существования. Томск, 2002. С. 94–126; Пигров К. С., Секацкий А. К. Бытие и возраст. Монография в диалогах. СПб. : Алетей, 2017.

⁴ См. напр.: Лишаев С. А. Указ. соч. С. 153–204; Философия старости: геронтософия : сб. матер. конф. Серия «Symposium», вып. 24. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002; Пигров К. С. Философия и старость: к конституированию геронтософии // Философия XX века: школы и концепции. СПб., 2003. С. 288–290.

⁵ Из философов, рассматривавших проблематику старости, разные типы старости выделяет и описывает К. С. Пигров. Он проводит различие между подлинной и неподлинной старостью, анализируя поведение «настоящего старика» и «старика-симулякра» («неудавшегося старика») (см.: Пигров К. С., Секацкий А. К. Указ. соч. С. 32–33, 37–39).

⁶ Лишаев С. А. Указ соч. С. 179–192.

Темпоральная конституция каждого из возрастов зрелости определяется доминирующим по величине временем: молодость определяется будущим, зрелость — настоящим, старость — прошлым. *Старым*, в отличие от *ветхого*, называют сущее, которое еще способно (в нашем его восприятии) постареть, стать иным (измениться). Старое (давно существующее) имеет будущее, ветхое его не имеет. В качестве ветхого мы воспринимаем то, что уже не может стать иным. Ветхое определяется возможностью не быть как последней возможностью сущего. Так обстоит дело с восприятием временного статуса сущего и в тех случаях, когда человек воспринимает самого себя и оценивает свой собственный временной статус. Мы можем воспринимать себя как старых и стареющих, а можем — как ветхих, то есть таких, экзистенциальный статус которых определяется простым присутствием, тем, что мы — пока еще — есть. На первый план возрастного самосознания чистое (простое) присутствие выходит тогда, когда все возможности, кроме возможности не быть (в нашем самочувствии и самосознании), уходят из «поля зрения».

Так есть ветхого старца — это расположенность, в которой человек не протаскивает себя в надситуативное будущее и, соответственно, в прошлое и настоящее. *Так есть* старости в горизонте старого — это расположенность, в которой сохраняется привязанность к будущему как к возможности быть так-то и так-то, и, одновременно, к надситуативным прошлому и настоящему.

Старость в горизонте старого (заботы завершения). Старость в горизонте старого исходит из того, что хотя жизнь, в целом, прошла, но она еще располагает надситуативным (внутривозрастным) будущим. Данность будущего побуждает к деятельности, ориентированной на получение (*через какое-то время*) значимых (как минимум — для самого старика) результатов. Но размерность будущего переживается как ограниченная по величине и годная лишь для того, чтобы доделать уже сделанное. *Старость завершения* не определяется из будущего. Возрастное будущее у старика отсутствует, а продолжительность его внутривозрастного будущего неопределенна. Старость в горизонте старого не определяется настоящим (как было в зрелости). Это связано с тем, что возрастное настоящее старости неопределенно по своей величине, а возрастное будущее и вовсе отсутствует. Содержание деятельности в этом этосе определяется не из будущего, не из настоящего, а из прошлого.

Такую старость определяет забота о жизни, но определяет она ее в особом модусе — *в модусе завершения уже исполненного*. Забота о жизни в целом и, соответственно, надситуативное (забегающее в конец и в начало жизни) временение — это определяющая характеристика зрелости как возраста, отличного от детства. Этос старости завершения — *один из этосов взрослого человека*. Данный этос, так же как этосы молодости и зрелости, ориентирован линейно. Причем необратимость, финальность биографического времени в старости дана со всей онтологической непреложностью. Старость завершения *продолжает* зрелость. В ней человек продолжает осуществлять надситуативное временение и по-прежнему озабочен. Он вовлечен в обязательства и интересы, которыми жил в прошлом, с которыми и теперь связывает свое внутривозрастное и трансбиографическое будущее. Для этоса завершения характерно стремление —

в меру имеющихся сил и времени — доделать недоделанное в молодости и зрелости.

В чем состоит для-того-чтобы старости завершения? Чем она озабочена? Во-первых, это бытовые нужды, уход за телом, поддержание дееспособности и т. п. Но эти заботы не специфичны для старости в горизонте старого (от них не свободен ни один из возрастов зрелости). Во-вторых, это *надситуативные заботы*, которые достались старости по наследству (назовем их «*унаследованными заботами*»); в-третьих, это *специфические заботы старости* — заботы завершения.

Унаследованные заботы — это заботы о близких: о муже/жене, о детях, о внуках, а также, если человек сохраняет причастность профессии, о деле, которому отданы годы зрелости⁷. *Повторение* или *варьирование* занятий, форм деятельности, предметов внимания и осмысления, сформировавшихся в прошлом — это то, что наполняет жизнь старого человека⁸. Старик держится привычного, а привычное служит формой, сохраняющей его идентичность и поддерживающей его жизненные силы. Привычки, сложившиеся (в основном) в зрелости, работают теперь не столько на достижение целей (как это было в зрелости), сколько на структурирование свободного времени, помогая выстоять в размывающем индивидуальное существование временном потоке. Любитель чтения будет и в старости читателем, грибник будет ходить за грибами, пока не откажут ноги, любитель выпить, скорее всего, будет пить и в преклонных годах, etc. Прошлое в надситуативном настоящем деятельной старости — это сформированные в молодости и зрелости привычки, это религиозные и/или философские убеждения, идеологические, политические взгляды и предпочтения и т. п.

Специфические заботы старости в горизонте старого — это заботы *завершения*, поскольку завершать что-либо можно лишь тогда, когда работа — в общем — сделана, когда жизнь подошла к концу. Для-того-чтобы старости завершения нацелено на приведение жизни в порядок: на осмысление прошлого, на выстраивание автонарратива, на исполнение неисполненных желаний, на искупление вины, на прощение за нанесенные нам обиды и т. п.

Строить «грандиозные планы» хорошо в молодости. Обдумывать происходящее и соотносить его с последовательностью шагов, которые приведут к успеху через пять или 10 лет, хорошо в зрелости. В старости внимание

⁷ Унаследованные заботы имеют факультативный характер. Вовлеченность в них не является необходимой. Заботы о внуках — это важно, но... у них есть родители, которые за них отвечают в первую очередь. Походим образом обстоит дело и с работой старого человека по профессии.

⁸ Человеческое бытие интенционально. Старый человек живет содержанием, взятым из прошлого. В его текущей жизни событий не много. Когда они все же происходят, то происходит не с ним, а с его детьми и внуками. Прежде его жизнь наполняли работа, семья, друзья, увлечения; теперь, в старости, работы нет (или она факультативна), семейная жизнь свернулась, как шагреновая кожа: дети и внуки живут своей жизнью, друзья или умерли или стали «тяжелы на подъем»... Свободного времени много. Для многих это становится проблемой. Хотя старики умеют ждать лучше, чем люди других возрастов, но скука им хорошо знакома.

притягивает прошлое. Его много, оно содержательно и оно по-новому переживается. Прошлое воспринимается как особенное, радикально отличное от того, что происходит теперь («в наше время все было по-другому!») и кажется более совершенным, чем наличная жизнь («раньше все было лучше»). Почему так происходит — понятно. Старый человек не вовлечен в настоящее в качестве полноправного участника происходящего и не видит себя в будущем. Новый темпоральный расклад побуждает его к переоценке прошлого. После того, как события и смыслы перестают биться в двери настоящего и изливаться со сверкающих вершин будущего, ценность прошлого резко возрастает. Его свет не меркнет в сравнении с огнями прекрасного будущего. Его не заслоняет полное неотложных дел настоящее (как в зрелости). Теперь, в старости, свет исходит из прошлого: такого весомого, теплого, настоящего. Оно переживается как прекрасное время, исполненное света, ярких впечатлений и значительных событий. Внимание, воображение, мышление стариков обращены к впечатлениям прошлого, которые неудержимо влекут их к себе. Прошлое кажется старикам совершенным уже потому, что в воспоминании о нем актуализируется жизнь, которая свершилась. Когда человек понимает, что к его (почти свершившейся) жизни уже ничего по большому счету не прибавить, он начинает по-особому ценить то, что у него было. В старости завершения и в молодости отношение к будущему и прошлому противоположны, хотя и в равной мере утопичны: в молодости прекрасным, отличным от переходного настоящего было будущее, а в старости отличным от переходного к смерти настоящего является прекрасное прошлое.

Что-то из того, о чем мечталось «на заре туманной юности», сбылось, а что-то — нет. Только в старости появляется возможность создания *связного рассказа* о жизни как о целом, осмысления ее внутренней логики, нащупывание ее ключевых моментов и сквозных линий («линий судьбы»), чьи истоки старики находят во впечатлениях детства, в решениях юности и т. д. Теперь, «на закате дней», появляется возможность придать «былому» форму и сопроводить его «думами».

Таким образом, *небытовые заботы* старости в горизонте старого состоят в *извлечении из прожитой жизни (из прошлого) смысла* и в *конструировании жизни как состоявшейся истории* (как бытия-события). Мало того, что осмысление прошедшего — это «работа души», меняющая ее внутренний строй, от работы воспоминания и нарративизации прошлого зависит еще один аспект старости завершения: отбор дел, которые можно/нужно сделать за оставшееся время. Осмысление и действие в старости завершения неотделимы друг от друга. Чтобы сделать осмысленный выбор, надо понять, что было сделано, а что нет, отделив важное от неважного. Старость завершения — это не только осмысление и отбор, это действие, на которое решается старик. Даже когда сил остается мало, возможность действовать все еще сохраняется: можно исповедаться, можно испросить прощения, можно встретиться с теми, кого много лет не видел, поблагодарить тех, кому обязан и т. п.

Приведение в порядок прошлого — это конструктивная и продуктивная деятельность. Осмысление прошедшей жизни и исполнение символически значимых, завершающих действий меняет настоящее, вносит в него нечто новое,

делает жизнь вообще и старость в частности, более осмысленной и тем самым... способствует переходу к старости в горизонте ветхого.

Старость в горизонте ветхого (отрешенность, беззаботность, простота присутствия). Старость в большей мере, чем другие периоды взрослости, располагает к выходу за пределы темпоральной горизонтали прошлого-настоящего-будущего и к выстраиванию вертикально ориентированного этоса. И если деятельная старость является самым распространенным этосом принимающей себя старости, то наиболее радикальным в плане освобождения от надситуативного временения и заботы ее этосом будет старость в горизонте ветхого.

Старый человек может сосредоточить свои силы на завершении жизни, но у него есть и иная, значительно реже используемая возможность: сформировать свободный от заботы этос. Темпоральная конституция старости к такому отрешенному от забот располагает наилучшим образом. Старость в горизонте ветхого — это бытие, в котором человек сознает себя находящимся на грани небытия (бытие-на-излете). В ветхой расположенности Dasein большое биографическое прошлое утрачивает власть над настоящим и не определяет собой будущего. Бытие-ветхим свободно от ожиданий, от страхов, терзающих тех, кто не расстался со своим будущим. Отрешенная старость ни на что (в этой жизни) не надеется и ни к чему не стремится. Мысли о посмертном будущем ветхого старика не беспокоят: он утратил интерес к тому, что скажут о нем потомки, долго ли они будут о нем помнить, etc. Бытие, ориентированное этосом ветхости, свободно от заботы о собственной идентичности (свободно от защиты образа самого себя), а значит, не зависит от одобрительных или осуждающих взглядов других. Ветхая старость — это этос человека, прожившего жизнь-как-заботу насквозь и больше не участвующего в делах, играх и битвах этого мира.

Что же располагает старого человека к переходу в режим отрешенного существования? *Отсутствие возрастного и ненадежность внутривозрастного будущего.* На будущее в старости сложно полагаться, оно не поддается рациональному расчету и планированию (состояние здоровья может в любой момент ухудшиться, да и окончание жизни рассматривается не как маловероятный эксцесс, а как ближайшая возможность). И молодой человек признает, *теоретически*, что его жизнь может оборваться в любой момент, но *практически* (не умозрительно), он исходит из того, что «жизнь кончится еще не скоро». В старости человек знает о возможности конца не теоретически, а практически, как о том, что неизбежно и скоро произойдет. Короткое и непрочное плечо будущего затрудняет планирование, нацеленное на достижение результатов, имеющих личную и/или общественную значимость.

У старика есть возможность выбрать этос, которому он будет следовать. Он может занять себя унаследованными заботами и заботами завершения, но у него есть и другая возможность: перейти в режим ветхой старости, освободиться от заботы о будущем, от навязчивых образов прошлого. Каждый старик сам решает, беспокоиться ему о себе, о своем прошлом и будущем или, напротив, отступить и от себя и от них, расставшись с надситуативной заботой.

Это именно решение и решимость, поскольку какие-то силы у большинства стариков сохраняются, так что автоматического освобождения из-под власти заботы не происходит. Планы на будущее можно (при желании) строить и в 65, и в 75, и в 80 лет. Можно эмигрировать в прошлое и жить воспоминаниями о том, что было, упорядочивая его, не желая расставаться с ним. Чтобы войти в ни-для-чего-бытие необходима соответствующая установка, предполагающая отказ и от внутривозрастного будущего и от жизни в волшебной стране возрастного прошлого. Жизнь в режиме незаинтересованного созерцания это для старого человека — не более, чем возможность, для актуализации которой необходим этос ветхого старца.

Осознанное сворачивание надситуативного временения и переход в режим чистого (простого) присутствия отличается от вынужденного (принудительного, непроизвольного) отказа от забот деятельной старости. Физическая недееспособность способна вывести человека *за пределы бытия-взрослым и принудить его* к отказу от заботы, но такую расположенность нельзя отождествлять с тем способом быть, к которому приводит этос ветхого старца. Этос отрешенности формируется в результате работы со своей возрастной расположенностью, со своим «так есть». В случае свободного перехода к бытию-на-излете, человек сам отключает генератор надситуативной (большой) заботы и гасит сигнальные огни надситуативного прошлого, настоящего и будущего еще до того, как он потеряет дееспособность или утратит адекватность (впадет в старческий маразм).

Так — отрешенно от себя — расположенное Dasein перестает набрасывать себя на свои возможности в бытии, поскольку исходит из их отсутствия. Речь идет не о бытовых возможностях/обязанностях, отказаться от которых физически недееспособный человек не может себе позволить, а о возможностях надситуативных. Ветхий старец освобождается от давления надситуативного временения, которое привязывает человека к эмпирическому «я» (к образу самого себя, к желанию «что-то из себя представлять»). В годы молодости и зрелости, а в значительной мере и в старости завершения человек остается заложником своих представлений о себе и представлений о том, как представляют его другие, ближние и дальние, то есть остается заложником своего смертного, но стремящегося к бессмертию эмпирического «я». Изжитое тело старика не способно реализовать этот запрос, но и расстаться с собой (со своим прошлым-настоящим-будущим) еще при жизни, как легко убедиться на опыте, способны не все старики. Этос ветхого старца свидетельствует о том, что это произошло, или, как минимум, о том, что старик готов к такому расставанию, стремится к нему.

Оказаться от себя — значить освободить место Другому как началу собственного присутствия в мире. Осуществить такую онтологическую перестановку — значит перейти из режима вовлеченности в жизнь в режим созерцательно-отрешенного присутствия, в котором человек смотрит на мир уже не своими глазами, а глазами, отданными Другому. Другое свидетельствует о себе тогда, когда «я» становится прозрачным. Отрешенному мир открывается по-иному, чем тому, кто вовлечен борьбу за признание. Ветхий старец, освобождаясь от захваченного заботой «я», оказывается (в пределе) прозрачным для Другого (Иного) как начала человеческого присутствия.

Высвобождаясь из-под власти целерационального проектирования и участия в делах мира, старик уступает место вневременному началу временения. Эта уступка в разных системах координат может осмысливаться по-разному. Для религиозного человека старость — это внутренняя (молитвенная, созерцательная) жизнь в ожидании встречи с Господом, когда душа, освободившаяся от надситуативного временения, полностью Ему открывается.

Этос ветхого старца (медитативно-созерцательный этос, этос отрешенности) — не связан исключительно со старостью. В той или иной мере ему следуют и люди других возрастов, но в этом случае он связан или с особым призванием (религиозно-аскетические практики, философствование и др.) или со специфическими жизненными ситуациями (например, с тяжелым заболеванием, делающим будущее ненадежным: то ли мне полгода осталось, то ли еще десять лет...)⁹. Если говорить о возрастных предпосылках отрешенно-медитативного этоса, то старость способствует переходу к нему больше, чем другие возраста зрелости.

Стоит отметить, что ветхая старость выводит нас за пределы *возрастной структуры зрелости*, которую конституируют надситуативное временение и забота. Ветхая старость это, с одной стороны, один из этосов последнего возраста зрелости, с другой стороны, следование ему выводит человека за пределы зрелости как возраста первого порядка, что дает основания для проведения параллелей между детством и старостью в горизонте ветхого. (Такие параллели проводят как на уровне неспециализированной рефлексии возрастной структуры, так и в исследованиях психологов, социологов и философов.)

В поздней беззаботности ветхого старца можно усмотреть возрастную симметрию с теми периодами детства, в которых генератор заботы еще не заработал на полную мощность, ограничиваясь малыми оборотами ситуативной заботы. На детских участках осознанного существования человека временение еще не заработало (ясельное детство), не вышло на надситуативный уровень, и, соответственно, способность к бытию от первого лица еще *не* сформировалась (хотя и формируется). И ребенок, освоивший временение, и ветхий старец не свободны от ситуативной заботы, но они еще (уже) свободны от давления надситуативных будущего и прошлого. (Ветхий старец не набрасывает себя на свои онтические возможности. Конечность существования не просто открыта ему, она дана ему как его ближайшая возможность, редуцированная до возможности не быть.)

Впрочем, аналогия между детством и старостью — всего лишь аналогия. Если резвое детство *пока еще* не берет на себя заботу о собственной жизни, то ветхая старость *осознанно выстраивает* свое существование в ориентации на присутствие без оглядки на время. Ветхий старец *может* жить в горизонте надситуативно развернутых прошлого-настоящего-будущего, но он добровольно отказался от этого, ребенок же не живет надситуативным временением, потому что *не способен к этому*. Ребенок беззаботен, потому что целиком захвачен ситуацией, потому что не загадывает на будущее, не теряется в собственном прошлом. Ветхий старец беззаботен, потому что свободно отказался от того,

⁹ Лишаев С. А. Указ. соч. С. 192–204.

чем владеет, оставив свободу от ситуации, которую дает надситуативное временение, ради свободы, которую дает вневременное, Другое. Отрешенный старец изжил заботу, прожил ее насквозь и добрался до границ существования, до границ «я». Ребенок не вошел в бытие от первого лица. Ветхий из него вышел (выходит). Ребенок играет, потому что еще не захвачен целерациональной деятельностью. Ветхий старец отошел от дел и живет созерцанием, размышлением, молитвой. Будущее его более не тревожит. Уделяя время бытовым заботам, он отдает досуг тому, что хорошо само по себе. Он радуется присутствию, он за все благодарит, он ни к чему не стремится и ничего не доказывает ближним и дальним.

И ребенок, и старик открыты миру именно потому, что *не озабочены тем, чтобы наложить на мир свой персональный отпечаток*. Ребенок воспринимает сущее «первым глазом», непредвзято. Это взгляд непосредственный культурой и личным опытом. Старец также смотрит на сущее непредвзято, он внимает в мир взглядом, непосредственным целями и желаниями, но опосредованным жизнью, опытом, знанием. Предвзятость восприятия срезается здесь неангажированностью жизнью, свободной от я-цензуры. Старец ни для чего не собирается использовать то, что видит, видимое ни для чего не нужно, а потому оно переживается как самоценно в своей данности. Они (ребенок и ветхий старец) свидетельствуют о Другом своим присутствием, своей радостью, своей игрой, своим спокойствием.

Взрослый человек не может (и не должен) уклоняться от постановки целей, от реализации планов, от выполнения обязательств, он не может освободиться от тревоги за свою жизнь и за жизнь близких. (Разумеется, и взрослый человек способен выходить за пределы горизонтальных связей заботы, но такие выходы в годы взрослости — лишь небольшие эпизоды, они не определяют поведения и самоощущения молодых, зрелых, озабоченных жизнью стариков.) Ветхий старец по-своему, ребенок — по-своему свидетельствует о Другом (Ином). *Их бытие — это простое присутствия*, свидетельствующее о том, что «находится» по ту сторону прагматически значимого. Причем в случае с ветхой старостью это свидетельство (для тех, кто общается со старым человеком) чище, чем свидетельство ребенка. Беззаботные игры детей *можно* понять как полезную для будущей жизни деятельность. Беззаботность ветхого старца, его спокойствие, серьезность, приветливость — чистая манифестация Другого.

Периодизации старости и типология старческого этоса (вместо заключения). Анализ этосов принимающей себя старости будет неполным, если мы не зададим вопроса об их связи с ее периодизацией. Рассмотрение этого вопроса осложняется тем, что периодизация старости, если не полагать в ее основу физиологические (медицинские) или социальные (участие в производительной деятельности, трансформация социальных связей и т. д.) критерии, проблематична.

Экзистенциальная конституция старости как возраста определяется исчезновением возрастного будущего (последний возраст) и смещением темпорального центра тяжести с настоящего (зрелость) к прошлому. При этом

внутривозрастная динамика в ней выражена слабо. Можно ли вообще говорить об экзистенциально обоснованной периодизации этого возраста? Если по ходу молодости изменяется (от неопределенного к определенному) характер переживания человеком надситуативного будущего, а по ходу зрелости — соотношение темпоральных акцентов внутривозрастного временения (от доминирования внутривозрастного будущего к доминированию прошлого), то в старости этого не происходит. Признавая себя старым, человек расстается с возрастным будущим, вступая в диалог со смертью как со своей *внутривозрастной* возможностью. На всем протяжении старости ничего существенного с возрастным и внутривозрастным временением не происходит. Стоит, правда, отметить, что по ходу старения постепенно нарастает чувство неопределенности и ненадежности внутривозрастного будущего. Нарастание ненадежности будущего поддерживается осведомленностью старика о своем календарном возрасте и непрерывными изменениями (порой весьма значительными) в состоянии его здоровья.

В ситуации, когда нет надежных критериев для экзистенциально обоснованной периодизации старости, которая определяла бы выбор того или иного типа возрастного этоса, на первый план выходят экзистенциальные и возрастные установки самого человека. Возрастной этос старости зависит от того, принимает человек свой возраст, или не принимает, в чем он видит (если видит) его достоинство и экзистенциальное преимущество в сравнении с другими возрастами. Будет ли старость погружена в бытовые хлопоты и в хроническое недовольство происходящим (ворчливая старость), в осуществление проектов зрелых лет, «не взирая на возраст» («героическая» старость), в унаследованные заботы и заботы завершения или позволит себе быть царственно беззаботной — зависит от самого старика, от его мирозерцания, от его понимания экзистенциального смысла старости как возраста.

Исчезновение темпоральной перспективы подрывает влияние прошлого и ослабляет его давление на настоящее. Отсутствие будущего, невозможность изменить общий итог жизни открывает возможность выбора: держаться горизонтально ориентированных этосов или строить вертикально ориентированный этос (старость в горизонте ветхого, созерцательную старость). И хотя решающее слово остается за стариком, очевидно, что состояние здоровья (которое влияет на оценку величины внутривозрастного будущего) благоприятствует выбору в пользу того или иного этоса. В условной «первой половине» старости, когда у человека имеется «запас» сил, здоровья и немного времени впереди, вероятность следования этосу «героической» старости или старости завершения выше, чем в столь же условной «второй» ее половине, когда его здоровье заметно ухудшается, сил становится меньше, а внутривозрастное будущее теряет остатки своей надежности («рассчитываемости»). В поздней, дряхлой старости предпосылок для этоса старости в горизонте ветхого становится больше. Но это только предпосылки, которые не делают переход к этому типу старости необходимым. Возможно также чередование этоса отрешенной старости с этосом завершения. Очевидно, что об экзистенциально обоснованной периодизации старости в этом случае говорить не приходится.

Как видим, экзистенциально обоснованная периодизация в том случае, когда мы говорим о старости, может отсутствовать. Вся старость целиком вполне может пройти под знаком этоса возрастного противостояния («героическая» старость), ее целиком может занять ворчливая старость, деятельная старость завершения или отрешенность и беззаботность созерцательной старости. Вместе с тем периодизация старости вполне может иметь место, если по ходу жизни старого человека происходит переход от одного этоса к другому (например, от героической старости или от старости завершения к отрешенной старости), если одни формы бытия-старым сменяются другими его формами. Экзистенциально значимая периодизация старости возможна в результате перехода от одного старческого этоса к другому.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Красиков В. И.* Синдром существования. Томск, 2002.
2. *Лишаев С. А.* Старое и ветхое: Опыт философского истолкования. Санкт-Петербург : Алетейя, 2010.
3. *Пигров К. С., Секацкий А. К.* Бытие и возраст. Монография в диалогах. Санкт-Петербург : Алетейя. 2017. 250 с.
4. *Пигров К. С.* Философия и старость: к конституированию геронтософии // *Философия XX века: школы и концепции.* Санкт-Петербург, 2003.
5. *Рыбакова Н. А.* Проблема старости в европейской философии: от античности до современности. Санкт-Петербург : Алетейя, 2006. 288 с.
6. *Рыбакова Н. А.* Феномен старости. Москва ; Псков. 2000. 169 с.
7. *Философия старости: геронтософия* : сб. матер. конф. Серия «Symposium», вып. 24. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2002.